

Услышать зовы давних лет...

Автор: Алексей Кондратенко, фото Орловского отделения РСП

«Образ дивный» (12+) – так называется новая поэтическая книга члена Союза писателей Светланы Голубевой, изданная в Орле. Сборник относительно невелик по объему, зато един по тематике. Это три поэмы о выдающихся людях Руси (Александр Невский, равноапостольная княгиня Ольга, игуменья – княжна Феодулия) и семь стихотворений, посвященного продолжающих основную тему сборника.

Духовное преображение

В предисловии автор делится с читателем раздумьями после окончания основательного исторического и литературного труда:

«непреходящие ценности никуда не деваются и не изменяются со временем», «как при отсутствии сотой доли сегодняшних возможностей наши предки могли оставаться людьми?».

Последняя фраза не просто риторический вопрос. Поэтическим словом автор противостоит достаточно модной тенденции принижения исторического минувшего («Говорим о прошлом как о темном времени»). И дело не в бесплодных спорах, были ли, образно говоря, стакан позитива несколько веков назад наполовину полон или наполовину пуст. Предмет поэзии в данном случае – «духовное преображение язычницы в глубоко верующего человека». А потому и завершается предисловие обращением – ожиданием автора, что сборник поможет открыть читателю что-то новое для себя.

Россия историческая и будущая

Поэма «Александр Невский» – историческая мозаика (таков жанр поэтического повествования по определению самого автора). При чтении этой далеко не сиюминутной стихотворной вещи не покидает ощущение причастности к России исторической – Великой России: «Себя являет Родина моя / За каждым емким словом жития». Вчитываясь, еще и еще раз понимаешь, как непросто и порой

изнурителен труд исследователя прошлого («блуждая по истории страницам»). Надо не только воссоздать образ минувшего, но и вдохнуть жизнь в образы героев, отдать особую дань политическим реалиям, найти лирические струны в повествовании, казалось бы, сугубо эпическом: «Господь! Веди мою слепую мысль/ К хвалебному,

признательному слову...»

Неискушенному читателю на первый взгляд может показаться экзотическим интерес живущего в черноземном Орле поэта к героической и трагической истории Древней Руси. Однако ничего искусственного, надуманного в этом притяжении нет. Разгадка проста: малая родина автора – один из краеугольных городов становления Руси – Псков: «Глубокой ночью в Пскове на Крому,/ Без сна, по горнице шагая./

Прислушиваясь, вглядываясь в тьму...»

Кром, реки Великая и Черёха, Изборск, Порхов, пригородное село Выбуты... Уже сами эти названия говорят за себя и поэту, и читателю, бывавшему в древнем городе. И земляческое право дает силы и уверенность браться за самые непривычные для провинциального писателя темы. Но присутствие Пскова на страницах, конечно же, не самоцель. Собственно, поэма не только и не столько о правителе (правителях), сколько вообще о стране и народе. Речь идет именно о России будущей: «Русь возродилась, строилась, росла,/ От свежих срубов делалась светла,/ И воздух пах сосною щепью».

Находки и неудачи

... Любопытны литературные приемы, с помощью которых строится лирическое повествование. Поэзия – это тоже инструмент историка, не менее значимый, чем те, с помощью которых ведут археологические раскопки, восстанавливают поблекшие строки летописей или реставрируют древние иконы.

Строй поэм оказался сродни былине, оратории, опере.

Лексика почти везде архаична, но без таковой, очевидно, невозможно создавать соответствующую канву. Это же можно сказать и о «Великой княгине Ольге». Поэму украшают живые, неизбитые и в то же время совсем не вычурные сравнения и образы: «Мял травы ветер, словно пес»; «Вещала клинопись морщин».

Автор каким-то алхимическим методом создает драгоценный сплав образа и большой философии: «Не тот хозяин, чьи леса и реки,/ А кто хозяин самому себе...» Еще один пример в этом ряду: «Кто никнет перед Господом в смиренье/ И гневно меч подымлет на врагов...»

Но так ли все счастливо и дружно в этом прекрасном семействе поэтических строк? Увы, на мой взгляд, есть и неудачи. В частности, избыточные словесные построения: «Себе, мол, пусть помогут чем придется»; «Князь Ярослав со свитою с охраной». Вкрапление современных (и несовременных) описываемым событиям и людям) понятий: «физически и нравственно силен»; «инок-инвалид» (в давнюю старину о безруком или безногом страдальце сказали бы: «бибик», «увечный»). А завершение: «Духовное подвигнул становленья,/ Подъем самосознания народа...» больше подошло бы для научной монографии или политического журнала, но не для поэмы.

«Найду ль... бессмертные слова?»

Особое внимание хочется обратить на поэму «Игуменя». В трудах историков можно найти всего несколько предложений о ее главной героине, точнее о ее прототипе, то есть предложенный нам текст оказался «реконструкцией судьбы». Тем интересней вчитаться в строфы. В истории литературы такой прием (реконструкция) не редкость

– тем она и отличается от летописи, тем и интересна широкой читательской аудитории.

Поэма подкупает непридуманной житейской мудростью («Должны пройти года, и много, / Чтоб наконец родителей понять»), лиричным взглядом на жизнь думающей и вдохновленной женщины. Под стать ему словесный строй, такой редкий ныне, в эпоху торжествующего постмодерна. За редчайшим исключением, нет современных иностранных слов. Читаешь и как будто идешь по залам державного музея, музея великих испытаний и побед, славы и гордости: «бездонней океана», «ковчег», «горнило», «раденье», «благодать», «твердь», «заступничество», «притязанье», «юница», «розы» и «колокола», «лампады» и «иконы», «мнился», «горние веси», «отверзает»...

После такого очищающего сердце и разум бодрого потока летнего ветра русской словесности смиренно принимаешь продекларированный автором итог бытия: «Душа теперь земное отпускает, / К небесному готовясь налегке...».

... Грустно и радостно читать такие строки в эпоху постмодерна, когда все сущее подвергается не просто переоценке, а в большинстве случаев – пародированию и осмеянию. В стихах Светланы Голубевой, напротив, слышна живая, не поддающаяся пошлости переключка Михайловских роц ее родной стороны, жив дух Пушкинской строки... Да, есть над чем задуматься читателю.

Было когда-то в 60-е годы прошлого века модным увлечением оставлять в торжественные дни у подножий монументов нержавеющей капсулы с посланиями потомкам «через сто лет». Так и поэтическая книга «Образ дивный» – своеобразное послание не только читателям нынешним, а, как понимаю, будущим, людям «грядущей России». На грани иссякающей первой четверти века XXI-го звучат дерзкие слова: «Всему, что так люблю и чем жива, / Найду ль и я бессмертные слова?»

Пусть этот вопрос останется открытым. Да и надо ли нам судить, кто и что достойно бессмертия? Поэт слагает свою песнь, она звучит и, надеюсь, будет звучать очень и очень долго.
